

ДАРЬЯ БОРИСОВНА ТЕРЕШКИНА

доктор филологических наук, заведующий кафедрой би-
лингвального образования

Новгородский государственный университет имени Ярос-
лава Мудрого

(Великий Новгород, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2079-1116; terdb@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НАРРАТИВНОГО ДИСКУРСА В СКАЗКАХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ, ЗАПИСАННЫХ А. А. ШАХМАТОВЫМ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются нарративные и вненарративные элементы повествования, обнаруживаемые в записях сказок Олонецкой губернии, осуществленных А. А. Шахматовым в 1884 году и опубликованных в сборнике Н. Ончукова в 1908 году. Максимально возможная на то время по адекватному воспроизведению устной речи письменная ее фиксация позволила осуществить моделирование коммуникативной ситуации произнесения сказочного текста. Новизна исследования состоит в установке факта, что сказка в передаче А. А. Шахматова предстает не только собственно нарративом, развивающимся по законам устного народного повествовательного жанра, но и сложным актом коммуникации повествователя, слушателя (собирателя), героев повествования, внешних по отношению к героям и повествователю сил и т. д. В качестве вненарративных стратегий указываются пояснения-усиления, к которым прибегают информанты, прямые обращения к слушателю (собирателю), разветвленная система вводных конструкций; нарративные стратегии включают в себя речевую характеристику героев нарратива, полилоги, «внутреннюю речь» героя, «двойное рассказывание», «обратную связь» с Богом и умершими героями и др. Актуальность обращения к письменному наследию прошлого вызвана сложностью фольклорного текста, необходимостью широкого спектра методов и способов его описания, расширением самого понятия «текст» и вписыванием его в речевую ситуацию рассказывания, соединением понятий «жанр фольклора» и «речевые жанры», а также пониманием фольклора как традиционного и одновременно индивидуального отношения к миру и человеку в нем. Выводы исследования подтверждают значение научной работы А. А. Шахматова в области решения сложной задачи перевода в письменный текст произведения словесного творчества, соединяющего коллективное фольклорное и индивидуальное начало, а также всей системы характеристик нарративного дискурса в момент рассказывания, позволяющего расширить базовые понятия теории текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сказка, А. А. Шахматов, нарратив, вненарративные элементы, инвариант, коммуникативная ситуация

Б л а г о д а р н о с т и . Статья выполнена в рамках гранта РНФ «Концептосфера “новгородского текста”: база данных и интерпретация» Российского научного фонда, грант № 24-28-20343.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Терешкина Д. Б. Коммуникативные стратегии нарративного дискурса в сказках Олонецкой губернии, записанных А. А. Шахматовым // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1097

ВВЕДЕНИЕ

А. А. Шахматов, великий русский лингвист, историк, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусской литературы и летописания, был замечательным и, как оказалось, прозорливым фольклористом-диалектологом и этнографом. Он сделал свои первые научные фольклорные записи в поездке по Олонецкому краю в 1884 году: 71 сказка, 11 былин,

2 духовных стиха, 30 загадок, а также свадебные песни и причеты. Русский Север всегда был объектом пристального внимания собирателей старины, и, продолживший исследования известных фольклористов П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга и историка русского языка М. А. Колосова, А. А. Шахматов внес значительный вклад не только в фольклористику (зафиксировав ценные тексты), но и изучение фольклорной

коммуникации, которой ученый уделял особое внимание. За июль и август 1884 года он посетил Заонежье, Кондопожскую, Великогубскую, Шунгскую и Толвуйскую волости. Н. Е. Ончуков, осуществивший в 1908 году публикацию сказок, в том числе записанных А. А. Шахматовым, отмечает, что именно они «самым тщательным образом передают все особенности оригинала»¹. Поскольку записи велись исключительно письменно, многое из фонетических особенностей говора сказителей было упущено или унифицировано; не сохранились и имена некоторых сказителей, а также необходимые сведения о них. Однако в своих ранних фольклорных записях А. А. Шахматов заложил основы методики фиксации текстов в полевых условиях, что уже в начале XX века позволило создать программы для сбора и изучения народной словесности². Скрупулезность в указании всех элементов произносимого информантом текста позволила сохранить в фиксации акта рассказывания не просто сюжет фольклорного текста и его речевое оформление, но и множественные факторы коммуникативной ситуации, воссоздающие вариативные сценарии коммуникативных стратегий рассказчика.

Коммуникативной стороне исследования фольклорного текста в последнее время уделяется большое внимание:

«Очевидно, что дальнейшая разработка нарратологической проблематики в применении к фольклорному тексту должна строиться с учетом специфики устной речи и особенностей коммуникативной ситуации экспликации текста» [7: 210].

В теории нарратива господствующим становится взгляд на текст о событии как на коммуникативный акт, рассмотренный одновременно в синхроническом (в практике анализа категорий нарратологии) и диахроническом (в понятиях исторической поэтики) аспектах [2], [6].

Акт произнесения текста информантом исследуется с разных позиций; все более детальным становится изучение внетекстовых факторов речевой ситуации рассказывания (пения, сказывания и др.). Современные технологии фиксации актов коммуникации в ситуации произнесения фольклорного текста (которые, как известно, не сводятся только к воспроизведению собственно фольклорного текста) позволяют изучать фольклор с новых позиций [1]. Тем более важным оказывается исследование записей XIX века, которые, не имея детальных характеристик современных фиксаций текстов, тем не менее

предоставляют возможность судить о коммуникативных стратегиях рассказчика только исходя из записи непосредственно его речи. Записи сказок Олонецкой губернии, осуществленные А. А. Шахматовым, оказываются в этом смысле богатейшим материалом.

Коммуникативные стратегии рассказчика сказок Олонецкой губернии в записях А. А. Шахматова разделены нами на две группы: 1) собственно нарративные и 2) вненарративные.

Собственно нарративные элементы речевого дискурса гораздо уже, чем текстовые, поскольку записанный А. А. Шахматовым текст больше собственно нарратива. Вненарративные элементы А. А. Шахматов помещает в скобки; в записях других собирателей в сборнике Н. Ончукова такой тщательной фиксации особенностей рассказывания не наблюдается (в том числе в материалах самого Н. Ончукова), а по поводу записей М. Пришвина составитель сборника даже посетовал, что они обработаны в сторону большей книжности и правильности (Примеч. 1: XIV). Наблюдения над особенностями записанного А. А. Шахматовым текста проиллюстрируем на примере одной из наиболее распространенных и интересных сказок всего корпуса – «Иван Попович и прекрасная девица» (Примеч. 1: 202–213), записанной «от старушки Тараевой в с. Кондопоге Петрозаводского уезда Олонецкой губернии» (Примеч. 1: 202).

ВНЕНАРРАТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ

Обращения к настоящему речевой ситуации (обращение к адресату текущего момента речи – собирателю): «Жил-был священник (как у нас в Кондопоге всё ровно)»; *указание рассказчика на свою забывчивость* (не позволяющую в деталях обрисовать ситуацию): «И брат всё медленно книгу читает. Есь не в каком царьсьви (царьсва не знаю назвать)»; *пояснения-усиления*: «есь у царя доцька прекрасная дивица, хто на ю посмотрит, тот с ума рехнётца (хто на ю посмотрит)»; *повторы уже сказанного ранее (опасение, что слушатель (собиратель) забыл детали рассказа)*: «Ниужели моя сестра до того достойна, что за зверя замуж думать» (а у родителя так благословлено, что за перьвого свата дать)».

Примечательным оказывается коммуникативный прием не просто обращения к собирателю как собеседнику, но и *включения его в ситуацию нарратива* – чаще всего с частицей «вишь» («видишь»):

«Потом стало сестрёнкам скучно, что брат не говорит с ними, подходит большаа сестра. “Милый братец, Иван Поповиц, пойдём на могилу, к Божьему храму к родителям своим” (попахать вишь хотят родителей своих)».

Вненарративными элементами становится в тексте целая система вводных слов, междометий и наречий, выражающих *отношение рассказчика к сообщаемому* (сочувствие героям, их положению и т. д.), и трансляция этого отношения адресату (собирателю): «Сестра закричала, смолиласи брату своему: “Братец мой, красота у меня ведь непомернаа...” (просит брата, вишь)». Важным элементом оказывается *пояснение непонятных собирателю, по мнению информанта, слов*: «Ён огвёрнулся (оделся) скоро и пошел», а также *прочие пояснения самого различно-го рода*:

«Был у него единый сын Иван Поповиц (изотчины у него не было). Потом стал у них татинька нездоров (тому помереть надо); стал ён сыну своему наказывать о дитях своих...».

Стоит отметить следующее обстоятельство. Чем динамичнее становятся события рассказа, тем больше пояснений приходится делать сказителю. Приведем пример:

«Росплатецтя Иван: “Ах же, милы зятева мои, не оставьте горевать меня, спустите эту шуку в синёе море” (шуку пёхнуть надо в синёе море, затым что нетелей оттуда выгонит). Лёв зверь кинул лапу на шуку, а медведь и дви (у лева, видно, силы болеэ), спёхнули шуку в море; в мори шука стрепехталась, а нетели с моря в гору побежали, а пастуху то и надо: ворон хватил быка за верховища, так и тащит с воды».

Наблюдения над «непонятными текстами», фиксируемыми без обработки в полевых условиях, все более интересуют исследователей народной традиционной культуры:

«Дословно расшифрованные полевые записи с трудом можно понять даже при наличии поясняющих комментариев собирателей. <...> рассказ представляет собой не столько изложение событий <...> сколько череду реплик преимущественно прямой речи и комментариев к ним информанта для собирателя <...> В этом то ли рассказе, то ли сценке по памяти мы имеем несколько уровней коммуникации, каждый из которых встроен в другой по принципу матрешки» [1: 13–14].

НАРРАТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ

Собственно нарративные коммуникативные приемы в сказках, записанных А. А. Шахматовым, несомненно, занимают центральное место в акте рассказывания. Среди них главным становится само по себе повествование, воспроиз-

ведение нарратива – с эмоциональным включением, подробностями «из уст очевидца»: «Что за чудо за эдако, в эхтом мести и царьева не видано (не бывало, вишь, никогда, тут царьево сочинилось)». Процесс погружения в ситуацию нарратива порождает явление «обретения родства» с главным героем рассказа: он становится как бы своим, родным, и номинации героя трансформируются от нейтрального «Иван» к уменьшительно-ласкательным «Иванушко», «Ванюшка» и др.

Важным приемом в рассказывании истории является детальная передача прямой речи героев как косвенной, так и прямой речью:

«Потом стал у них татинька нездоров (тому помереть надо); стал ён сыну своему наказывать о дитях своих: как большаа дощери придёт перьвый сват, за того и выдать дощку, и другой дощери так же, как придёт перьвый сват, так и дать ю такождо, и так же и третьей дощери, как перьвый жених посватает, за того и выдать нужно».

Передача прямой речи, в том числе в форме диалогов, происходит с максимальной близостью к живой, непосредственной речи: «Выбегала сестра среди бела двора, стречает брата своего: “Откули тебя Бог принёс? Как же ты сюды зашол?”».

Пожилая женщина-информант, из уст которой звучала записываемая А. А. Шахматовым сказка, была, судя по всему, превосходной рассказчицей, обладающей богатым воображением и способностью полного погружения в изображаемое. В сказке «Иван Поповиц и прекрасная девица» мы видим не только редкий в фольклоре мотив чтения героем книги (в данном случае – растянувшееся на многие года действие героя), но и передачу «цитирования книжного текста» (то есть то, о чем именно читал главный герой):

«Тут ёны стали жить с братом, три сестры и брат. И брат всё медленно книгу читает. “Есь не в каком царьсвию” (царьсва не знаю назвать), “есь у царя дощка прекрасная дивица, хто на ю посмотрит, тот с ума рехнёття” (хто на ю посмотрит)».

Примечательны нарративные элементы, указывающие на особенности речевого взаимодействия героев:

«Потом стало сестрёнкам скучно, что брат не говорит с ними, подходит большаа сестра. “Милый братец, Иван Поповиц, пойдём на могилу, к Божьему храму к родителям своим” <...> Ну и пошли ёны на могилу».

Чрезвычайно занимательны указания на коммуникацию героя с самим собой, внутреннюю речь, которая, не имея никакого содержательного значения в нарративе, передает тонкие грани образов главных героев и (что важнее) образа рассказчика:

«...“а жалаю прикрасну дивицю привести в тимницю, посадить возли меня рядом на стул, выцеловать несколько раз”. Пошел сторож: “Этакой подлець, какии ричи говорит: целовать прикрасную дивицю”. Однако же донёс прикрасной дивици слова его».

Сложные стратегии, когда в коммуникативной ситуации обозначены несколько коммуникантов, не единожды встречаются в создаваемом сказителем тексте, как в следующем примере, где не менее пяти участников речевой ситуации: девица, служитель, Иван (герои сказки), рассказчица, собиратель (стороны речевой ситуации рассказывания сказки информантом собирателю фольклора – слушателю):

«И говорит прикрасна дивица служителю своэму: “Поди купи у Ивана эту штуку у него, пусть продас мни” (кукшиньчик этот). Приходит сторож к нему и говорит: “Продай мни кукшиньчик, прикрасной дивици. Много ли тиби денег требуетца за то?”».

Коммуникация героя с самим собой («думание вслух») несколько раз встречается в цитируемой сказке и зачастую отражает сомнения героя, его душевную борьбу, видимую лишь повествователю:

«...читал ён ни много ни мало три года в ряд и дочитал до того места, что ити ему надо не в какоэ царсьвие, взять эту дочьку замуж за себя. “Не дурак ли я буду, что я пойду. Несколько сватало ю кнезей и бояр и некого ей не дадут, неужель она за меня пойдёт? Нет, однако, я пойду”».

Входит в нарратив и коммуникация героя с Богом (причем с «обратной связью»): «Смолитца Иванушка ко Господу: “Господи Боже мой, выведи меня на путь”. Пошел Иванушка путём-дорожкой, показал Господь дорожку ему», а также с упоминавшимися в рассказе (например, умершими) героями: «Матушка в земли говорит ей: “Бежы, дочь, домой, гляди, чорный ворон налетит, хватит тебя за верховищо и унесёт”». Примечательны коммуникативные связи говоримого сейчас с уже рассказанным ранее (то есть тем, что знает слушатель и чего не знает герой рассказа): «А прикрасна-то дивица не знала умысель его (что он делаат)». Это не только делает многомерным нарратив произносимого текста, но и сложной саму коммуникативную ситуацию рассказывания. Важно отметить, что мастерство сказительницы проявляется еще и в том, что, помня о деталях своего рассказа (о которых, быть может, уже успел забыть слушатель), она после целой череды повествуемых событий обращается к этим деталям как важным, значимым:

«Жили они побыли, маменька у них и померла. Вылили ёны патрет чугунный, снесли к Божьей Матери, в церквы поставили. <...> (Спустя достаточно большой

фрагмент текста. – Д. Т.) Слили патрет на татиньку такой же чугунный и так же к Богородици в церков к собору поставили (к жены так и поставили патрет, патрет о патрет)».

Этот пример говорит о сложных коммуникативных связях, которые держит в памяти и которыми управляет информант: сказитель – собиратель, сказитель – герои рассказа, герои рассказа между собой (в изложении информанта их речи – прямой и косвенной), герои рассказа живые – с умершими, герой в его коммуникации с Богом. При этом надо учесть, что это устный текст, рождаемый здесь и сейчас, и все стратегии должны быть скоординированы в ситуации нарратива и его переживания в момент речи.

Отмеченные нами нарративные и вненарративные стратегии рассказывания наблюдаются и в иных текстах сказок, записанных А. А. Шахматовым от разных информантов («Попадья, дячок и работник» – от Феофана Алексева Пормакова (Бирина) 62 лет из с. Кондопога Петрозаводского уезда (Примеч. 1: 222–224), «Замахнись, а не ударь» – от крестьянки Петрозаводского уезда (Примеч. 1: 228–232) и др.). Расширение анализируемого материала позволяет утверждать, что выявленные стратегии характерны (в большей или меньшей степени) для всех информантов А. А. Шахматова и, следовательно, для фольклорной сказки в целом.

Рассматривая три жанровые разновидности фольклорных текстов (рождественские колядки, заговоры и пословицы) как тексты сложной внутренней структуры, отдельные части которых могут иметь различные прагматические характеристики, С. М. Толстая пишет, что такие тексты обнаруживают

«разные коммуникативные (внутренние и внешние) характеристики, разное соотношение внутренней структуры, определяемой речевым поведением персонажей, и “внешней” коммуникативной функции, определяемой использованием текстов исполнителями в конкретных обрядовых или внеобрядовых (повседневных) ситуациях» [5: 182].

В полной мере подобное наблюдение может быть отнесено и к жанру фольклорной сказки – как в момент ее рассказывания, так и в процессе восприятия письменного текста, являющегося максимально точной фиксацией устного его инварианта [3].

Уникальный случай двойного рассказывания сказки в одном тексте был зафиксирован А. А. Шахматовым в сказке «Оклеветанная сестра», записанной от крестьянки д. Талая Гора

Петрозаводского уезда Лукерьи Филимоновны Марковой 21–22 лет. Кроме «двойного нарратива» (всю историю любви брата и сестры, которую пыталась известить невестка, рассказывает сначала сказительница, а потом (в составе нарратива) – сама пострадавшая, после чего злодейка и была наказана), сказка содержит повествование о многомерных и чрезвычайно сложных коммуникативных связях участников событий – клевете, обмане, переодевании, подмене писем, ложной информации, передаваемой устно, пари и условиях, применяемых в ситуации общения недругов, и т. д. Сложность коммуникаций внутри нарратива обуславливает сложность восприятия повествуемого слушателями – им приходится чутко следить за сюжетными поворотами, чтобы понять, что к чему. Этим отличается устная передача повествовательного текста; тем более ценным является адекватная запись такого текста со всеми «темными местами», обусловленными дискретностью процесса рассказывания, усиливающей дискретность художественного текста как такового.

«Дуализм фольклорного текста делает возможным получение объективных научных результатов лишь при условии точного воспроизведения звучащего текста в письменной форме» [4: 147].

Интересно то, что в некоторых случаях очевидными оказываются гендерные различия в тематике и стилистике сказок. «Оклеветан-

ная сестра» – типично «женская» сказка. Вообще женщинам свойственно рассказывать именно волшебные сказки, с разветвленным сюжетом, деталями, перипетиями. «Мужские» сказки часто бытовые, иногда скабрёзные, с вульгаризмами (см., напр., сказку «Чесалка», записанную в с. Кондопоге Петрозаводского уезда от Феофана Алексеева Пормакова (Бирина) 63 лет). Впрочем, скабрёзные сказки мастерски рассказывают и женщины (см., напр., сказку «Поп и ночлежник», записанную в с. Толвуя Петрозаводского уезда от некой Марьи Павловны, возраст которой не указан).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные сценарии коммуникации стали очевидными благодаря интуитивному убеждению А. А. Шахматова в необходимости фиксации по возможности максимально полного говоримого (не только рассказываемого) информантом текста. В этом смысле работа А. А. Шахматова с фольклором Олонецкой земли отразила важнейший этап формирования научного подхода к собиранию и сохранению устного народного творчества. Задолго до появления в полевых исследованиях звукозаписывающих аппаратов А. А. Шахматов заложил основы традиции максимально полной фиксации речевой ситуации рассказывания, без которой полноценное изучение фольклора оказывается невозможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ончуков Н. Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 33). С. 201.
- ² Чернышев В. И. Программа для собирания особенностей великорусских говоров. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1900.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселова И. С., Степанов А. В. Опыт по ролям: перципиент, конфиден и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.
2. Волошинова Т. Ю. Эстетика тождества: назад в будущее? Читатель художественного текста как субъект коммуникации в современном обществе // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 186–192.
3. Померанцева Э. В. Русская устная проза. М.: Просвещение, 1985. 272 с.
4. Сердюк М. А. Фольклорный текст через призму его субстанциональных свойств // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (136). С. 146–149.
5. Толстая С. М. Коммуникативная структура фольклорного текста (колядка, заговор, пословица) // Текст в языке, речи, культуре: Сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. Минск: РИВШ, 2017. С. 174–183.
6. Филонов Е. А. Художественное повествование как объект нарратологии и исторической поэтики // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 8 (38). С. 67–71.
7. Черванёва В. А. Смена точек зрения как прием в текстах устной традиции: к вопросу о фигуре наблюдателя в фольклоре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 201–215.

Daria B. Tereshkina, Dr. Sc. (Philology), Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2079-1116; terdb@mail.ru

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF NARRATIVE DISCOURSE IN THE TALES OF THE OLONETS PROVINCE RECORDED BY A. A. SHAKHMATOV

Abstract. The article examines the narrative and non-narrative strategies of the storytelling in the fairy tales of the Olonets Province recorded by A. A. Shakhmatov in 1884 and published in the compilation of N. Onchukov in 1908. At that time, the most advanced techniques of written representation of oral speech were used, which ensured its accurate fixation, and this enabled the modeling of the communicative context in which the fairy tales were told. The novelty of this study lies in its assertion that, in A. A. Shakhmatov's presentation, the fairy tale operates not only as a straightforward narrative following the conventions of oral folk narrative tradition but also as a multifaceted act of communication involving the narrator, the audience (or collector), the story's characters, and some forces external both to the characters and the narrator. This study identifies non-narrative strategies such as explanatory amplifications used by the informants, direct appeals to the audience (or collector), and a complex set of introductory phrases. In contrast, narrative strategies encompass various elements, including the verbal characterization of the narrative's heroes, polylogues, the characters' "inner speech", "double narration", and "feedback interactions" with God and deceased characters, etc. The relevance of revisiting the written heritage of the past stems from an acknowledgment of the intricate nature of folklore texts. This complexity demands a diverse array of methods for analysis, broadening our understanding of the term "text", contextualizing it within the framework of storytelling, and merging the concepts of "folklore genre" and "speech genres" into the understanding of folklore as a traditional yet uniquely personal perspective on the world and human's place within it. The findings of this study underscore the importance of A. A. Shakhmatov's contributions to the challenging endeavor of transcribing verbal creativity into written form, merging collective folklore principles with individual expressions, and illuminating the intricate characteristics of narrative discourse as it unfolds. These insights ultimately contribute to expanding foundational concepts of the text theory.

Key words: fairy tale, A. A. Shakhmatov, narrative, extra-narrative elements, invariant, communicative situation

Acknowledgements. The article was written as part of the Russian Science Foundation's grant No 24-28-20343 "Conceptosphere of the "Novgorod text": database and interpretation".

For citation: Tereshkina, D. B. Communicative strategies of narrative discourse in the tales of the Olonets Province recorded by A. A. Shakhmatov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1097

REFERENCES

1. Veselova, I. S., Stepanov, A. V. Experience by roles: percipient, confident and others (communicative basis of the composition of mythological narratives in the Russian North). *RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. 2019;4:10–24. (In Russ.)
2. Voloshinova, T. Yu. Aesthetics of identity: back to the future? The reader of a literary text as a subject of communication in modern society. *Topical issues of the theory of communication: Collection of research papers*. St. Petersburg, 2004. P. 186–192. (In Russ.)
3. Pomerantseva, E. V. Russian oral prose. Moscow, 1985. 272 p. (In Russ.)
4. Serdyuk, M. A. Folkloric text described from the point of its substantive features. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009;2(36):146–149. (In Russ.)
5. Tolstaya, S. M. The communicative structure of folklore texts (carols, spells, proverbs). *Text in language, speech, culture: Collection of research articles*. Minsk, 2017. P. 174–183. (In Russ.)
6. Filonov, E. A. Narrative of fictional text as an object of narratology and historical poetics. *Science and Business: Ways of Development*. 2014;8(38):67–71. (In Russ.)
7. Chervaneva, V. A. Changing points of view as a device in the texts of oral tradition: on the issue of the observer in folklore. *RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. 2022;4(2):201–215. (In Russ.)

Received: 7 September 2024; accepted: 30 September 2024